

С. А. Ошеров

О ПЕРВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОФОРМЛЕНИИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

(«*Анналы*» Квинта Энния)

IV век до н. э. характеризуется для Рима не только значительными внешнеполитическими и военными успехами, но и быстрым прогрессом духовной жизни города. Необходимость идеологического обоснования внешней экспансии вызывает к жизни учение об исключительной доблести римского народа (*virtus Romana*), выделяющей его среди других племен. Целый ряд политических представлений и идеологических фикций создается стремлением господствующего сословия представить свою власть как выражающую «единые интересы» всех сословий Рима (это стремление особенно усиливается в последнее десятилетие войны с Ганнибалом и в период главенства Сципиона). Постепенно оформляется сложный комплекс пересмысленных традиционных политических представлений, идеологических фикций и моральных догм, претендовавших на универсальность и всенародность, но на деле остававшихся идеологией нобилитета, которую мы знаем как традиционную республиканскую идеологию.

В то же время соприкосновение с цивилизованными народами эллинистического мира вызывает в Риме желание утвердиться среди них не только силой оружия, но и духовно, своей культурой. Усилившееся греческое влияние определило формы, в которых римляне стремились отлить свою национальную культуру; особенно это касается литературы. Важнейшим симптомом тяги к отечественному содержанию является создание таких литературных форм, как претекста, т. е. драма (жанр, заимствованный у греков) с римским сюжетом. Литературный эпос появляется в Риме как эпос исторический, черпающий свой материал в римской истории.

Вполне естественно, что в том случае, если эти произведения со специфически римским содержанием выходили из среды нобилитета или близких к нему людей, они не могли не стать рупором идей этого сословия. Именно в них следует искать первое литературное выражение традиционной республиканской идеологии.

Наиболее классическим из таких произведений, вобравшим в себя как материал всю римскую историю и остававшимся в течение всего периода республики национальной эпопеей Рима, являлись «Анналы» Квинта Энния. Однако фрагментарное состояние, в котором дошло до нас это произведение¹, помешало ученым исследовать его идейное содержание и поли-

¹ До нас дошло около шестисот стихов из общего числа приблизительно тридцати тысяч.

тическую направленность. Собственно, всю довольно большую литературу, посвященную Эннию, можно разделить на три категории. Во-первых, это научный аппарат, сопровождающий издание фрагментов Энния. Из материалов этого раздела наибольшее значение имеет трехсотстраничное введение Фалена в его втором издании «*Ennianae poesis reliquiae*»². В этом издании ученый собрал все свидетельства античных авторов об Эннии и его произведениях и дал наиболее убедительную реконструкцию содержания. Появившееся в 1925 г. английское издание «Анналов» содержит подробный комментарий Мэри-Этель Стюарт³, однако этот комментарий имеет главным образом реконструктивный, текстологический и историко-литературный характер.

К первой категории близка вторая, в которую входят многочисленные статьи, трактующие вопросы чтения и толкования отдельных фрагментов, а также немногочисленные монографии, посвященные реконструкции содержания произведений Энния или отдельным вопросам его поэтической техники и литературных влияний; таковы монографии Люциана Мюллера⁴ Кордые⁵, Пиги⁶ и др.

Наконец, к третьей категории относятся общие работы по истории римской литературы, авторы которых так или иначе пытаются выяснить идейный смысл творчества Энния. Однако и тут чаще всего лишь указывается, что Энний был воодушевлен идеей величия Рима, более же глубокий анализ политических мотивов в произведениях поэта отсутствует. Этот упрек относится к большинству старых работ (Патэн⁷, Риббек⁸, Модестов⁹ и др.). Первым, кто попытался связать «Анналы» Энния с идеологией его эпохи, был Фридрих Лео¹⁰. Ф. Лео отмечает, что Энний, воспевая подвиги отдельных выдающихся римлян, выходил за пределы традиционных римских представлений (согласно которым римский магистрат, например, представляет лишь «*majestas populi*») и становился выразителем греческого индивидуализма. Ниже, при анализе системы образов, мы покажем, что это мнение Лео справедливо лишь для последних книг поэмы, где Энний прославлял своих знатных покровителей.

Попытки создать обобщающую концепцию идеологии Энния сделаны в некоторых французских и итальянских работах последнего времени; однако по большей части они отличаются отсутствием историзма и субъективностью. Так, французский исследователь Ж. Кузен пишет, что Энний проповедовал в Риме принципы политической мудрости пифагореизма: согласие, разумную умеренность, презрение к толпе¹¹. А. Ростаньи считает, что Энния более всего увлекает задача художественного воплощения воинских подвигов римлян¹². Наиболее сложную концепцию творчества Энния создал итальянский ученый Этторе Биньоне¹³. Он правильно

² Leipzig, 1903; первое издание Фален выпустил в 1854 г. в возрасте 24 лет.

³ The Annals of Quintus Ennius, edit. by M.-E. Stewart, Cambridge, 1925.

⁴ L. Müller, Quintus Ennius, eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie, СПб., 1884.

⁵ A. Cordier, Les débuts de l'hexamètre latin: Ennius, P., 1947.

⁶ B. Pighi, Il proemio degli Annali di Ennio, Milano, 1926.

⁷ Patin, Études sur la poésie latine, т. II, P., 1883, стр. 62.

⁸ O. Ribbeck, Geschichte der römischen Dichtung, т. I, Stuttgart, 1887, стр. 42.

⁹ В. И. Модестов, Лекции по истории римской литературы, СПб., 1887, стр. 89.

¹⁰ Fr. Leo, Geschichte der römischen Litteratur, т. I: Archaische Litteratur, B., 1913, стр. 171—172.

¹¹ J. Cousin, Études sur la poésie latine: Nature et mission du poète, P., 1945, стр. 9—18.

¹² A. Rostagni, Storia della letteratura latina, т. I, Torino, 1949, стр. 191—192.

¹³ E. Bignone, Storia della letteratura latina, т. I, Firenze, 1945, стр. 305 сл.

отмечает, что поэзия была для Энния формой служения Риму, однако основой этого служения исследователь считает некую идею извечной провиденциальной роли Рима в мировой истории, первым провозвестником которой в поэзии и был Энний; при этом задача служения делу величия Рима рассматривалась самим поэтом как религиозный долг. Таким образом, исследователь предлагает рассматривать в качестве основы творчества Энния не конкретную идеологическую форму данного периода, а субъективные моменты самого Энния, отмеченные влиянием римского шовинизма.

К сожалению, в советском литературоведении, даже в общих курсах истории римской литературы, не дается анализа идейного содержания и политических мотивов в творчестве Энния¹⁴. Наша статья представляет первую попытку такого рода анализа на материале «Анналов».

Энний был уроженцем калабрийского городка Рудии, где он получил очень солидное греческое образование (хотя, по его собственным словам, знал и латинский и осекский языки). Очевидно, симпатии к Риму сложились у будущего поэта уже на родине. Поэтому мы находим его во время войны с Ганнибалом в Сардинии, сражающимся на стороне римлян в качестве центуриона (очевидно, в союзнических войсках). Это происходило как раз в то время, когда многие южноиталийские города переходили на сторону побеждавшего пунильца. Здесь, среди римских войск, Энний был захвачен волной патриотизма, которую всколыхнула война с Ганнибалом. Этот патриотизм поэт сохранил и в Риме, куда был привезен в 204 г. Марком Порцием Катонам.

Занявшись в столице преподаванием греческого и латинского языков и литературным творчеством, Энний последовательно пасаждал в Риме жанры и формы греческой поэзии. Но не только в этом заключался пафос творчества Энния. Поэт мыслил гораздо шире. По его мнению, честь римлян, давно уже принятых в число эллинов и допущенных к итмийским играм (Ролуб., II, 12), а затем явившихся «освободителями» Эллады от власти Македонии, — требовала, чтобы их культура не отставала от греческой ни в одной области. Для этого Энний видел лишь одно средство: его сограждане должны овладеть всем богатством греческой культуры. Свою миссию он усматривал в распротранении греческой образованности в Риме. Этому делу служил он как преподаватель обоих языков и как грамматик. Но важнейшим средством пропаганды греческой культуры Энний считал литературу. Для этого он вносит познавательный, просветительный материал и в драму, и даже в исторический эпос. Интересно, что и тут Энний прежде всего стремится приблизить греческую культуру ко всем римлянам: именно поэтому он облакает свой просветительный материал в доступную художественную форму, пишет на латинском языке, стараясь воздействовать на возможно большее число римских читателей. Этим он выгодно отличается от других, чисто греческих, просветителей Рима, таких, как Посидоний или Панэтий, влиявших лишь на небольшой кружок близкой к ним знати.

Однако, несмотря на все старания Энния, его просветительные стремления могли найти отклик лишь у одного слоя римского общества — у нобилитета. С самого приезда в Рим вместе с Катонам Энний был связан с нобилиями как учитель знатных юношей (а положение учителя было близко к положению клиента); от магистратов зависел он и как глава коллегии «писцов и актеров». Но еще теснее связывала Энния с римскими аристократами его забота о распротранении греческой образованности, полностью совпадающая с повышенной тягой многих представителей этого класса ко

¹⁴ См. М. М. Покровский, История римской литературы, М.—Л., 1942, стр. 39—44; «История римской литературы» под ред. П. Ф. Дератани, М., 1954, стр. 60—63.

всему греческому. И те же устремления еще более отдаляли поэта от демократического плебса, которому он был и без того чужд как полуиностранин.

Во всяком случае как поэт Энний при жизни получил признание именно среди нобилитета. Это признание привело его к близости со многими представителями сенатского сословия. Цицерон (*Pro Arch.*, 22) свидетельствует, что Энний был близок к Сципиону: *Carus fuit Africano Superiori noster Ennius...* Правда, это свидетельство — единственное, но оно более чем правдоподобно: Сципион, величайший приверженец греческой культуры и сторонник ее усвоения, не мог не оценить работы Энния в этом направлении. Может быть, даже идеология группы Сципиона во многом способствовала развитию просветительских тенденций в творчестве Энния. С уверенностью можно сказать, что поэт разделял всенародное восхищение африканским героем, которого он воспел в небольшой поэме.

Но в то же время поэт не делал особых различий между фракциями и группировками нобилитета. Очень близок был Энний и к вождю сенатской олигархии, противнику Сципиона — Марку Фульвию Нобилиору, который взял его в 189 г. с собой в Этолию (*Cic.*, *Pro Arch.*, 27), куда сам был назначен командующим в войне с греками. Совершенно очевидно, что этот консул ожидал от Энния такого же прославления, какое тот создал Сципиону. И действительно, поэт описал подвиги своего покровителя в претексте «Амбракия», посвященной осаде и взятию этого города. Сын Марка Нобилиора, Квинт, добился для Энния римского гражданства (*Cic.*, *Brut.*, 79).

Будучи столь прочно связан с римским нобилитетом, поэт не мог не усвоить его идеологию, сложившуюся уже в довольно стройную систему. Усвоение ее было для него тем более легким, что эта идеология выдавалась за общегражданскую, общеримскую нормативную мораль. Чуждый борьбе плебса, поэт, свидетель блестящих побед Рима и равновесия в классовой борьбе, наступившего в период фактического правления Сципиона, мог вполне искренне верить всем прекрасным фразам о республике, о добрых нравах предков и т. п. Поэтому с полной убежденностью взялся Энний за ту задачу, которая стала основной для его исторической эпохи и даже оттеснила на второй план просветительскую тенденцию, бывшую ведущей для большинства его произведений. Это была патриотическая задача воспитания граждан в духе «добрых нравов отцов».

«Добрые нравы» занимали в системе традиционной идеологии центральное место: с одной стороны, они отличали римский народ от остальных, с другой — составляли основную опору республики. Это мнение прекрасно обобщил спустя примерно четверть века после смерти Энния Полибий (VI, 47, 3): «Если, таким образом, у какого-либо народа мы наблюдаем добрые обычаи и законы, мы смело можем утверждать, что хорошими здесь окажутся и люди и общественное устройство их». Но, как мы уже говорили, эти «добрые нравы» в основном относились к прошлому и выступали как «*morea maiorum*». Одним из основных средств воспитания таких нравов были примеры предков. С этой целью, по мнению Валерия Максима (II, 1, 10), заставляли издавна «скромных мальчиков» выучивать и петь «пиршественные песни» о подвигах предков. Этой же цели служили, как говорит Полибий (VI, 54, 2—3), и римские похоронные обряды, также как «*laudationes funebres*» и «*imagines maiorum*». «Таким образом, непрестанно возобновляется память о заслугах доблестных мужей, а через то самое увековечивается слава граждан, совершивших что-либо достойное, имена благодетелей отечества становятся известными народу и передаются в потомство; вместе с тем — и это важнее всего — обычаи поощряют юношество ко всевозможным испытаниям на благо государства, лишь бы достигнуть славы, сопутствующей доблестным гражданам». Наконец, особое воспитательное воз-

действие приписывалось и многим рассказам из легендарной истории Рима: тот же Полибий (VI, 55, 1—4) приводит эпизод с Горацием Коклитом как один из благотворных примеров, влияющих на римскую молодежь.

В эпоху Энния римское общество не понимало еще, конечно, насколько большое воспитательное значение имеет художественная литература. Лишь Сципион и его окружение, отлично сознававшие роль идеологического влияния в политической жизни, могли благодаря широкому знакомству с греческой культурой понимать огромное значение литературы в этом отношении. Но это значение прекрасно представлял себе Энний, человек греческой образованности, просветитель и педагог. И вот, взявшись увещивать в римской «Илиаде» историю римлян, он тем самым принял на себя задачу так запечатлеть все славные дела, все добрые нравы предков, чтобы они еще ярче засверкали в глазах римской молодежи, дабы побудить ее *ad laborem et laudem* — «к труду и снисканию славы» (Cic., *Pro Planc.*, 24). Но, искренне желая воспитывать новое поколение в духе доблестей римской старины, поэт на деле пропагандирует основные каноны традиционной аристократической идеологии, которая полностью определяет точку зрения поэта.

Энний превосходно усвоил учение о добрых правах граждан как основной опоре государства. О строке *Moribus antiquis res stat Romana virisque*¹⁵ Цицерон (*De ger.*, V, fr. 6) писал: стих этот «благодаря своей краткости или правдивости кажется мне изреченным будто бы неким оракулом». Почти полтора века спустя афоризм Энния оставался для крупнейшего теоретика аристократической республики классическим выражением квинтэссенции традиционной идеологии.

Этторе Биньоне отмечает, что подлинным героем эпопеи Энния является римский народ¹⁶. Это положение верно лишь отчасти. В «Анналах» нет коллективного героя, дела и доблести которого воспел Невий. Но вместе с тем понятие «римский народ» неизменно присутствует в поэме, поскольку поэт больше всего стремится показать именно «добрые нравы», которыми славны квириды. Таким образом, народ предстает в поэме не в делах своих, но как несколько абстрактный носитель традиционных римских добродетелей. Даже среди сохранившихся отрывков мы можем найти немало сентенций, возмечивающих римский народ.

Римляне прежде всего — *bonus et liber populus*.

Вряд ли слово *bonus* обозначает здесь просто «добрый», *qui per naturam suam non nocet*, как указывает *Lexicon Terentianus*, где приведено это полустипше¹⁷: мало вероятно, чтобы Энний ставил душевную мягкость в заслугу римскому народу. Слово *bonus* имеет здесь, очевидно, очень широкий смысл, аналогичный тому, какой оно получило позже в понятии *vir bonus*. *Bonus* по отношению к народу или государственному мужу в языке официальной идеологии — «такой, как должно», «удовлетворяющий всем требованиям морали»¹⁸. А суммой таких моральных норм римского народа и были *mos antiqui*. Залогом того, что римский народ — всегда *bonus populus*, является его *libertas*. Только *liber populus* может быть *bonus*, ибо под властью царей, как утверждает Энний в одной из трагедий, *nulla regni sancta societas nec fides est* («при царском строе не бывает ни святости союза, ни верности»).

¹⁵ Текст Энния приводится по изданиям: V a h l e n, *Ennianae poesis reliquiae*, Lipsiae, 1903 и W a r m i n g t o n, *Remains of old latin*, I, L., Cambridge, Massachusetts, Harvard University press, 1933.

¹⁶ *Storia della letteratura latina*, I, Firenze, 1945, стр. 309.

¹⁷ Цит. по V a h l e n, ук. соч., стр. 117, прим. к ст. 626.

¹⁸ См. С. Л. У т ч е н к о, Учение Цицерона об идеальном гражданстве, ВДИ, 1954, № 3, стр. 21—32.

Именно поэтому понятия *bonus* и *liber* даются Эннием как основные и неразрывно связанные определения римского народа.

Какие же качества входят в понятие *bonus*? Прежде всего это *virtus* в значении «военная доблесть». Она является залогом побед и военных удач римлян:

Fortibus est fortuna viris data...
(Храбрым мужам дается всегда удача...)

И потому непобедимы римляне, что храбрость их неизмерима.

Fortes Romani sunt tamquam caelus profundus
(Доблестны римляне так, как это небо глубоко).

Благодаря своей доблести они не ведают страха:

Ni metus ulla tenet virtutem: rite quiescunt.
(Доблести страх не знаком: они по праву спокойны).

Доблесть приносит римлянину заслуженную награду — славу, почет и признание современников и потомков.

Unus homo nobis cunctando restituit rem:
Non enim rumores ponebat ante salutem
Ergo postque magisque viri nunc gloria claret.
(Он — один человек — промедленьями спас государство.
Выше, чем ропот толпы, он ставил общее благо).

Слава за это его чем дальше, тем больше сверкает, — писал поэт о Фабии Максиме. Но и само стремление к славе имеет у римлян особый характер. Цари стремятся запечатлеть свое имя в веках, воздвигая небывалые сооружения и расходуя на них все силы и средства:

Reges per regnum statuasque sepulchraque quaerunt,
Aedificant nomen: summa nituntur opum vi.
(В царствах повсюду цари гробницы и статуи ставят,
Тратя все силы свои, чтоб имя увековечить).

Римлянин знает, что лишь подвиг и храбрость обеспечат ему славу: поэтому жажда славы толкает его не к тщеславному самопрославлению, но к совершению великих дел. Желание увековечить свое имя и свой подвиг преодолевает в душе римлянина даже страх смерти.

Nunc est illa dies cum gloria maxima sese
Nobis ostendat si vivimus sive morimur
(Ныне тот день, когда нам достается великая слава,
Если останемся жить и если погибнем в сраженьи), —

говорит полководец солдатам перед битвой.

Несмотря на приносящую победы доблесть, на благородную жажду славы, римлянам чуждо упоение успехами, уснокоение на достигнутом.

At Romanus homo, tamen etsi res bene gesta est,
Corde suo trepidat...
(Римлянин даже тогда, когда выполнил дело успешно,
Сердцем трепещет своим...).

Осмотрительный в победах, римлянин никогда не падает духом и в поражениях. Всегда надеется он на перемену к лучшему и потому даже после самого жестокого разгрома не может быть побежден, ибо

Qui vincit non est victor nisi victus fatetur.
(Кто победил — не победитель, если побежденный
не признал себя таковым).

Всем, вплоть до собственной жизни, готов пожертвовать римлянин ради отчизны; но командовать — дело полководцев:

Navorum imperium servare est induperantum.

А солдаты должны во имя отчизны внимать их советам и наставлениям:

*Audire est operae pretium procedere recte
Qui rem Romanam Latiumque augescere vultis.*
(Стоит послушать тому, кто желает, чтобы успешно
Римлян республика шла вперед и Лаций сильнее стал).

Хороший воин не должен роптать:

*Noenu decet mussare bonos qui facta labore
Mixi militiae reperere...*
(Добрый не должен роптать, кто, в ратном труде напрягаясь,
Подвиги сам совершил...).

В этих трех отрывках особенно хорошо видна классовая сущность мировоззрения Эниия. После канского разгрома в период господства Сципиона нобилитет путем целого ряда уступок и компромиссов пытался успокоить демократическое движение плебса. Идеологическим выражением такой политики служили призывы отказаться от узких сословных интересов во имя блага республики и единого римского народа; позже на той же основе создается учение о *concordia ordinum*, *concordia populi* как основной опоре государства. Наиболее полное его выражение дал Цицерон в трактате «О государстве» (II, 69): «В игре на струнных инструментах или на флейтах, а также и при пении многими голосами следует соблюдать некую стройность различных звуков; если же она изменяется или разлагивается, то просвещенный слух не может этого выносить. Это созвучие различнейших голосов становится стройным и согласным благодаря тому, что их умеривают. Точно так же из высших и низших и средних и промежуточных сословий, как из звуков, слагается, при соблюдении принципа умеренности, благодаря согласованности несхожих частей государство; и тому, что называется музыкантами в пении гармонией, в государстве соответствует согласие. Оно является теснейшей связью и лучшим залогом благосостояния любого государства и без него не может быть справедливости».

То же самое, по сути дела, содержится и в сентенциях Эниия. Его призывы лишь более откровенны: он прямо призывает народ (ибо в его время солдаты — тот же народ) выслушивать начальников (командовать — дело полководца!) и не роптать (это недостойно римской доблести!). Но предлог уже найден: это абстрактное общее благо, успешный прогресс республики, усиление Лация. Таким образом, идея «согласия граждан» уже складывается у Эниия. Она имеет лишь более определенно аристократический характер, поскольку «умеренность» проповедуется лишь низшим классам. Вышнему сословию, сенату, эта умеренность не нужна: им руководит *sapientia*. *Sapientia*, «мудрость знания и опыта»¹⁹, обеспечивает сенату правильность его управления, составляет его преимущество перед любыми врагами, потому что те

Bellipotentibus sunt magis quam sapientipotentibus
(Более силой в войне они, чем мудростью, мощны).

¹⁹ Для понятия «мудрость научного знания» Эниий пытается ввести греческое слово *sophia*.

Мудрость есть постоянное качество сената; если же она ему изменяет, то находится человек, который, подобно слепцу Аппию Клавдию, скажет отцам:

Quo vobis mentes, rectae quae stare solebant
 Antehac, dementis sese flexere viai
 (Ваши умы, что всегда так были прямы и крепки
 Прежде, — ныне куда с пути отклонились в безумье).

Именно *sapientia* является основой власти сената, дает ему право руководить страной и обеспечивает авторитет среди народа.

Совершенно очевидно, что и здесь высказывания Энния лишь отразили одно из положений аристократической идеологии. Позже о мудрости сената писал даже такой проникательный политический историк, как Полибий (VI, 51, 6—8): «У карфагян наибольшую силу во всех начинаниях имел тогда народ, а у римлян высшая мера значения принадлежала сенату. Тогда как у карфагян совет держала толпа, у римлян — лучшие граждане, и поэтому решения римлян в делах государственных были разумнее. Вот почему, невзирая на полное крушение вначале, они под конец войны благодаря мудрости мероприятий, восторжествовали над карфагянами».

И у Полибия, и у Энния мы имеем дело с одной из идеологических фикций, призванных оправдать господство нобилитета.

Среди отрывков, сохраненных Геллем (XX, 10), есть один в высшей степени знаменательный фрагмент, рисующий упадок государства среди долгих войн (*proeliis promulgatis*, как говорит Цицерон (*Pro Mur.*, 14,30), цитируя то же место):

Pellitur e medio sapientia, vi geritur res,
 Spernitur orator bonus, horridus miles amatur.
 Haut doctis dictis certantes sed maledictis
 Miscent inter sese inimicitiam agitantes.
 Non ex iure manum concertum sed magis ferro
 Rem repetunt regnumque petunt vadunt solidavi.
 (Мудрость тогда изгоняется прочь и правит лишь сила,
 Добрый оратор презрен, в почете воин жестокий,
 И не в ученых речах состязаясь, а в оскорблениях,
 В распрях смешались все, вражду друг к другу питая.
 Тяжбы решают теперь не по праву, но больше железом,
 Силой требуют все и к царской власти стремятся).

По этим строкам мы как бы от противного можем восстановить картину нормальной государственной жизни, как она рисуется Эннию. Прежде всего *sapientia* составляет основу всей республики. Мудрости свойственно действовать убеждением, словом, потому ее представитель — *orator*. Сила его не только в красноречии, но и в личных достоинствах, обеспечивающих его авторитет; он — *bonus* в том широком значении этого слова, о котором мы говорили. Мудрость не исключает разногласий, но они решаются обсуждением, в котором наибольшую силу имеют *docta dicta*. Однако такое обсуждение невозможно, когда общество раздражает *inimicitia*, «вражда», т. е. когда в нем исчезает *concordia*. Вместе с ней исчезает и *ius* — «право».

Таким образом, перед нами идеализированная в духе аристократической идеологии картина республики, основными опорами которой служит не насилие, а *sapientia* правящих, *concordia* граждан и *ius*, одинаковое для всех.

Но вот нарушается распрями нормальный порядок вещей, среди всеобщей вражды господствует сила. Вместо здравых речей раздаются в сенате взаимные оскорбления, с оружием в руках решаются тяжбы. Кто-то мечом добивается удовлетворения своих требований: скорее всего речь идет о демократии, с точки зрения Энния нарушающей право своими притязаниями. Кто-то стремится к единоличной власти. Но и те, и другие опираются на силу, на оружие, на армию: *horridus miles amator*.

Перед нами как бы картина грядущих социальных битв времен гражданских войн, изображенная с позиций традиционной республиканской идеологии, с поистине цicerоновской силой. Неужели же поэт сумел в демократическом движении своей эпохи и в стремлении Сципиона к единовластию увидеть те враждебные силы, которые в конце концов, после столетних раздоров, низвергнут господство республиканской аристократии? Вряд ли это так. Поэт отрицательно относился к демократии, нарушавшей, по его мнению, гражданский мир. Не симпатизируя демократам, Энний не мог не предъявить их вождям обвинения в стремлении к единоличной власти. Поэтому скорее к ним, а не к отдельным представителям побилитета относятся слова *regnum petunt*. Не мог Энний не замечать и усиления роли армии в политической жизни, поскольку на нее опирался Сципион. Сгустив краски в поэтической картине современной борьбы, в которой он верно подметил отдельные важные тенденции, поэт дал как бы пророческое изображение будущих потрясений республики.

Почти все разобранные отрывки не относятся прямо к ходу повествования о том или ином событии, а являются обобщающими сентенциями, включенными в авторский текст или в речь кого-нибудь из персонажей. В них Энний как бы намечает практически самые общие положения римской республиканской политики и морали. Но Энний был не политическим мыслителем, а, прежде всего, художником, и задачей себе он ставил изображение тех славных деяний предков, в которых лучше всего отразилась бы исконная *virtus Romana*. Именно это сам поэт считал своей основной заслугой в своей автоэпитафии (*Cic., Tusc., I, 15*):

*Aspicit, o cives, senis Enni imaginis formam
Qui vestrum parxit maxima facta patrum*
(Граждане! Бросьте взгляд на образ Энния-старца:
Славные он воспел подвиги ваших отцов).

Примером великих людей прошлого хотел поэт воздействовать на современную ему римскую молодежь. Понятно, что в эпоху, посвященной преимущественно описаниям войн, автор наибольшее внимание уделял военным подвигам и военной доблести. Но вместе с тем он не довольствовался лишь изображением деяний великих римлян. Чтобы ярче показать читателю, какие именно черты традиционной *virtutis* воплотились в том или ином персонаже, Энний прибегает к их четким афористическим характеристикам. В этих характеристиках мы находим как бы свод тех положительных качеств, которые составляют неотъемлемые свойства идеального римлянина. В них прежде всего отразилась уже сложившаяся в Риме этико-политическая доктрина с ее требованиями отдавать все силы, знания и опыт на благо Республики. Ее пропаганда, а не прославление отдельных деятелей, как думает Фр. Лео, имела наибольшее значение для поэта при изображении прошедших событий. Но и сам Энний, как поэт-просветитель, наметил некоторые черты, лишь позже принятые широко, подчеркнув важность и ценность знаний и искусства, прежде всего ораторского.

До нас дошло несколько этих характеристик, так как их очень любил приводить в качестве примеров Цицерон. Одна только знаменитая процитированная уже характеристика Фабия приведена им в трактатах «О ста-

рости» (4, 10), «Об обязанностях» (1, 84) и в письме к Аттику (II, 19, 2). Смысл этого отрывка заключается в противопоставлении *homores* и *gloria*. Общественное одобрение, признание граждан играло в республиканском Риме огромную роль, так как лишь оно могло обеспечить политическому деятелю избрание на ту или иную должность. Показательно само обозначение магистратур словом *homores*, содержащим понятие признания народа²⁰. Фабий, выбрав тактику промедлений, заботился лишь о благе государства, не боясь лишиться популярности и вызвать недовольство народа, т. е. предпочитал спасение отчизны собственной политической карьере. Интересно, что ударение поэт ставит на то, что полководец не ставил толков народа выше блага государства (а не: ставил благо государства выше толков народа). Таким образом, во втором стихе чувствуется скрытое противоположение Фабия кому-то другому, кто не поступал подобно ему. История легко подсказывает нам, кого мог иметь в виду поэт, стоит только вспомнить ту незавидную роль, которую сыграли на полях сражений вожди демократии: Фламinius, разбитый при Тразименском озере, и Варрон, виновник каннского разгрома. По сравнению с ними Фабий поступил как подлинный представитель сенатской *sapientiae* и *virtutis*. И именно потому, что он пренебрег преходящим недовольством народа, ему на долю выпала подлинная слава — *gloria*.

Характеристика Манция Курция Деятата:

Quem nemo ferro potuit superare nec auro
(Ни железом его победить не сумели, ни златом),

ничего не прибавляет к традиционному образу этого классического представителя староримской добродетели. Интересно лишь отметить, что уже ко времени Энния этот образ сложился в достаточной степени, чтобы дать поэту возможность в одном стихе обобщить самые выдающиеся его черты. Роль Энния в создании ореола вокруг этого героя, вероятно, была не меньшей, чем роль Катона, который, судя по всему, выдвинул на первый план умеренность великого плебея.

Третья характеристика относится к консулу 196 г. Сексту Элию:

Egredie cordatus homo, castus Elius Sextus
(Элий Секст, наделенный умом выдающимся, острым).

Поэт подчеркивает выдающийся ум своего персонажа; Цицерон (*De Or.*, I, 198) сообщает, что поэт назвал его так за блестящее знание гражданского права. Тут говорит уже Энний-просветитель, готовый поставить знания и ум в ряд высших добродетелей. Но и эту характеристику потомки сумели растолковать в духе традиционной идеологии. По мнению того же Цицерона (*De ger.*, I, 30), Энний хвалит Элия не просто за образованность, а за то, что эта образованность помогает ему служить республике и римскому народу: «Человеком выдающейся остроты ума он и был в действительности, и Энний его так назвал не потому, что он искал того, чего никогда не нашел бы, а потому, что его ответы избавляли тех, кто спрашивал его, от забот и тягот». Цицерон использовал данную Эннием характеристику для того, чтобы привести пример человека, умеющего извлекать из научных занятий пользу для общего дела; очевидно, контекст, известный Цицерону и не дошедший до нас, позволял истолковывать таким образом стихи Энния.

²⁰ См. С. Л. Утченко, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики, М., 1952, стр. 184—186.

Четвертая характеристика, так же как и все предыдущие, сохранена Цицероном (*Brut.*, 58):

Additur orator Cornelius sauviloquente
Ore Cethegus Marcus, Tuditano Collega
Marci filius...

...Is dictust ollis popularibus olim
Qui tum vivebant homines atque aevum agitabant
Flos delibatus populi suadaeque medulla.

(Был прибавлен еще оратор сладкоречивый,
Марк Корнелий Цетег, что был Тудитана коллегой,
Марка сын...)

....Он некогда слыл средь сограждан,
Тех людей, что жили тогда и век проводили,
Богом самим убежденья, цветком отборным народа).

Как мы видим, и тут поэт делает упор не на врожденную доблесть, а на искусство и талант, усовершенствованный умением. Целевая установка отрывка ясна и полностью согласуется с представлением об Энии — проводнике новых веяний. Выше мы показали, что Эний приписывает оратору *bono* большое значение в государстве, управляемом мудростью (*sapientia*). В разбираемом отрывке перед нами оратор не только *bonus* (в терминологическом значении), но и искусный. Поэт показывает, что такой оратор заслуженно пользовался славой и восхищением сограждан. Значит, *laudem* и *gloriam*, а следовательно, и *honorem* могут снискать не только военные подвиги, но и красноречие (ведь Цетег был консулом!). В общей воспитательной тенденции Эния этот отрывок знаменует очень важное направление: поэт стремится показать не только пример традиционной военной доблести и государственной мудрости, но и примеры образования и красноречия, не менее достойные подражания.

Вместе с тем Эний не ограничивался лишь характеристиками, пусть обобщенными и идеализированными, отдельных исторических деятелей. Он создал совершенно идеальный образ римлянина, в котором все качества предстали чудесно преувеличенными. Это — Ромул, который предстает перед нами как воплощение всей полноты римской *virtutis*, сосредоточенной на одном великом деле — создании и укреплении Рима. Такой трактовке образа немало способствовал культ обожествленного героя-основателя, но и сам Эний во многом способствовал оформлению рассказа о Ромуле. Во всяком случае Цицерон, рассказывая в трактате «О государстве» (II, 4—5, 10—17) о деяниях первого царя, близко придерживается эниева повествования.

Подробно описав злоключения Илии (Рен Сильвии), которую автор считает дочерью Энея, поэт переходит к описанию совета богов. Юпитер предрекает Марсу великое будущее его сына и его обожествление.

Искусно создает поэт вокруг героя атмосферу чуда, ореол великих оживаний. Юность близнецов описана, как юность эпических богатырей. Они упражняются со своими сверстниками, состязаясь в единоборствах и метая друг в друга обломки скал.

Далее Эний не отступал от традиционного сказания и, описав столкновения с разбойниками, свержение Амулия и решение основать город, переходил к дошедшей до нас сцене птицагадания близнецов. С этого момента Ромул становится не только эпическим героем чудесной силы и храбрости, но и создателем и хранителем вечного города и его установлений. В замечательной сцене птицагадания, сохраненной Цицероном (*De div.*, I, 107), прежде всего подчеркивается *pietas* Ромула. Первый рим-

ский царь и основатель города—авгур, и не силой, а гаданием решает он вопрос о власти, т. е. по сути дела, вопрошает волю богов. И именно потому, что власть отдана ему свыше, столь успешно протекает все его царствование. Так *pietas* утверждается одной из основ, на которых зиждется могущество Рима. Но более того: первым прибегнув к ауспициям, Ромул завещал всем римлянам это вернейшее средство узнавать волю богов и тем самым во всем следовать *pietati*: «Затем Ромул в очень большой степени слушался ауспиций, и мы удерживаем это до сегодняшнего дня с большой пользой для республики. Сам же он и Город основал после ауспиций (что и было началом нашего государства), и для установления всех общественных дел выбрал от каждой трибы по одному авгуру, чтобы они служили ему для ауспиций» (Cic., *De rep.*, II, 16). С самого начала подчеркнув, что Ромул является родоначальником римской *pietatis*, Энний и дальше выделяет этот момент его деятельности: так, Ромул является создателем сакральной формулы, обеспечивающей успех:

Quod mihi reique fidei regno vobisque, Quirites,
Se fortunatim, feliciter ac bene vortat.

(И для меня, и для вас, квинтиты, для дела, для царства
Пусть хорошо и удачно и счастливо все обернется).

Однако Ромул не только и не исключительно благочестивый герой; он прежде всего — защитник и хранитель созданного им государства. Трудно было согласовать грех братоубийства с образом идеального героя; но Энний не обошел убийства Рема и сумел даже его представить как дело высокой доблести. Убийство Рема, перескочившего через только начатую стену Рима, становится символическим актом, который должен продемонстрировать судьбу всякого, кто захочет силой ворваться в пределы Города. Умертвив брата, Ромул как бы обеспечил Рим от всех будущих вторжений.

Nec pol homo quisquam faciet impune animatus
Nos nisitu: nam mi calido dabis sanguine poenas.

(Это, клянусь я, никто безнаказанно сделать не сможет,
Кроме тебя; но и ты мне заплатишься кровью горячей).

Таким образом, даже в братоубийстве Ромул остается великим охранителем родины, пренебрегающим ради нее даже кровавыми узамп.

Мудрость Ромула дала римскому народу сенат и трибы (Cic., *De rep.*, II, 14), которые стали *egregia firmamenta rei publicae* (там же 17) — выдающимися опорами республики. И когда в ненастную ночь Ромул исчез, всеми римлянами овладело глубокое горе:

...simul inter

Sese sic memorant: «O Romule, Romule die,
Qualem te patria custodem di genuerunt
O pater, o genitor, o sanguen dis oriundum!».

(...Между собою

Так вспоминают они: «О Ромул, божественный Ромул,
Боги родили тебя великим стражем отчизны,
О, наш родитель, отец, богов порожденье по крови!»).

Поэт искуснейшим образом подвел читателей к своему излюбленному приему — краткой афористической характеристике, подытожившей всю деятельность героя. Дальше шло, судя по следующему сохранившемуся стиху, обобщенное перечисление деяний Ромула. Но как много выиграл Энний, вложив этот своеобразный «элогий» в уста народа! Мы сразу же понимаем, что человек, всю жизнь бывший «великим стражем отчизны»,

всегда получит одобрение народа, будет близок и дорог своему народу, как отец и родитель. А Ромул, который при жизни был любим как охранитель государства такой любовью, какой после народ никого не любил, всеми, естественно, признается после смерти богом — покровителем созданного им города:

Romulus in caelo cum dis genitalibus seivum
Degit...

(Ромул на небе теперь свой век проводит с богами,
Богами был он рожден...)

Обожествление Ромула не есть акт государственной политики или лести подданных, как в эллинистических монархиях. Поэт представляет его как высшую меру общественного признания, служащую наградой за высшую меру доблести и подвигов на благо Рима. Обожествление Ромула есть honor. Он как бы избирается римлянами богом, подобно тому, как заслуживший признательность народа «добрый гражданин» избирается консулом. В образе Ромула поэт выразил всю суть традиционной республиканской этико-политической доктрины: римлянин отдает всю свою доблесть и мудрость на благо общему делу (*rei publicae*) и получает взамен признание сограждан — славу и любовь народа.

Таким образом, восприняв идеологию своих аристократических друзей и покровителей, Эний в своей эпохе сумел теоретически обобщить ее в афоризмах и «общих местах». Даже на основании немногих дошедших до нас отрывков можно видеть, что у Эния имели место элементы учения о справедливости и мудрости римского государственного устройства и, прежде всего, главенства сената, о необходимости *concordiae populi* и т. д.

Но самое яркое выражение нашла в «Анналах» доктрина о «правах предков», об «исконной доблести» римлян, причем выражение это было не только теоретическое, но и, в гораздо большей степени, образнопластическое. Опираясь на эту доктрину, поэт создал галерею образов легендарных и исторических деятелей Рима, в которых воплощены все качества, послужившие в дальнейшем основой для конструкции этического идеала *viri boni*.

Вплоть до эпохи Цицерона сентенции и афоризмы Эния, его характеристики знаменитых римлян продолжали оказывать влияние на политических мыслителей, писавших в духе традиционной республиканской идеологии, так как в его поэме она получила первое яркое теоретическое и литературное выражение. Утрата «Анналов» лишила нас не только великолепного художественного произведения, но и интересного раннего памятника политической мысли Рима.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГИКСОССКОМ ВЛАДЫЧЕСТВЕ В ЕГИПТЕ

Проблема гиксосского завоевания Египта принадлежит к числу весьма сложных и спорных вопросов истории древнего Востока. Этой проблеме уделяли внимание многие ученые, высказывавшие разноречивые точки зрения. Немалую роль в выдвижении таких спорных концепций играли расовые воззрения авторов. Разноречивость точек зрения связана еще и с тем, что от гиксосского периода сохранился очень скудный материал. Это скарабей с именами гиксосских царей, керамика, небольшое количество статуй и стел.

В последние годы в литературе появился ряд новых интересных работ, посвященных проблеме гиксосского завоевания, а также опубликован новый, исключительно интересный документ, рассказывающий о борьбе Камеса, последнего царя XVII египетской династии, против гиксосов в конце их пребывания в Египте. Весь этот материал опубликован в различных изданиях, и его обзорное представление тем больший интерес, что он появился позднее последней специальной работы о гиксосах на русском языке — Иследования В. И. Авдиева¹.

Единственным источником, который рассказывает о том, как гиксосы завоевали Египет, является история Манефона, египетского жреца и ученого времени Александра Македонского и Птолемея², сохранившаяся лишь в выдержках у различных античных авторов.

Манефон сообщает (Jos., САР., I, 14), что в царствование царя Тутимаюса³ пришли люди неизвестного происхождения и легко, без боев покорили Египет. С местным населением они обращались крайне жестоко и одних убивали, других вместе с женами и детьми продавали в рабство. Пришельцы назывались «гиксосами», и Манефон объясняет это название как «цари-пастухи» или «пленные пастухи». На гиксосских скарабеех и в туринском царском списке гиксосские цари именуются *хека хасут*, что по-египетски значит «царь иноземных стран». Вероятнее всего, что искаженное *хека хасут* и легло в основу названия «гиксос». Сам термин *хека хасут* существовал в Египте значительно раньше времени нашествия гиксосов. О *хека хасут* сообщается в «Рассказе о Синухете» — известнейшем памятнике времени Среднего царства. В Бени Хассане, в гробнице времени XII династии изображены 37 азиатов, принесших дары. Их предводитель в сопровождающей изображению надписи назван *хека хасут*. Тот же термин встречается и на скарабеех и других памятниках конца Среднего царства. Вообще это обычный египетский термин для обозначения палестинских и сирийских вождей. Однако в вопросе идентификации этих вождей с последующими гиксосскими царями нет единой точки зрения. Э. Дриотон и Ж. Вандье⁴, например, рассматривают этих вождей

¹ В. И. Авдиев, Социальная борьба и господство гиксосов в Египте, «Исторический журнал», 1945, № 5, стр. 53 сл.

² В. В. Струве, Манефон и его время, ЗРВ, III (1928), стр. 109 сл.

³ Возможно, что это искаженное имя египетского фараона Дидимеса, правившего Верхним Египтом накануне гиксосского завоевания.

⁴ E. Drioton et J. Vandier, L'Égypte³, P., 1952, стр. 288 сл.